

Международная безопасность

ИМЕЕТ ЛИ ПРАВО ОТНОШЕНИЕ К КОНТРОЛЮ НАД ВООРУЖЕНИЯМИ?

С.М. П у н ж и н*

Проблема контроля над вооружениями и разоружения не нуждается в дополнительном представлении. Контроль над вооружениями и разоружение, создание глобальной системы безопасности, установление режима доверия в отношениях между государствами – вот три кита, на которых должен основываться современный мир. Каждая из этих составляющих не может функционировать вне международного права, представляющего универсальный инструмент мирового развития.

Процесс контроля над вооружениями и разоружения протекает и не может не протекать в правовых формах. Эта общая констатация достаточно общеизвестна и тривиальна, гораздо сложнее другой вопрос – о конкретных формах взаимодействия международного права и разоружения, о специфически правовых проблемах в этой области.

Разоружению в советской международно-правовой литературе посвящена масса работ, однако если присмотреться к ним внимательно, то большая часть из них носит описательный характер: в статьях и монографиях, как правило, дается история заключения того или иного договора и с комментариями передается его содержание. Кроме того, значительная часть каждой из работ по разоружению посвящена не правовым, а политическим, военным, техническим проблемам. Такой анализ, конечно же, необходим, но вот достаточен ли он? Нельзя не согласиться с С. Сюрмом, который отмечает, что "необходимая роль права в усилиях по разоружению остается недостаточной, как недостаточно признаваемой, так и недостаточно анализируемой"¹.

По видимому, юристам-международникам следует обратить более пристальное внимание на специфические правовые стороны контроля над вооружениями и разоружения, конечно, если таковые

* Сотрудник МИД РФ, кандидат юридических наук.

вообще существуют. Необходимо согласиться с У. Батлером, который отмечает, что "в мире, где государства начинают осуществлять односторонние ограничения в вооружениях и согласованные сокращения только потому, что изменился международный порядок, следует определить, может ли и как международное право сыграть более существенную роль в этом процессе"².

Что же касается высказанных сомнений в существовании правовой специфики в контроле над вооружениями, то заключаются они в том, что сама проблема разоружения по своему существу, по основному содержанию правовой не является. Как пишет Э. Смит, "оказывается, что с различных точек зрения соглашения по контролю над вооружениями и остаются за пределами сферы международных правовых соглашений... решающее значение внеправовых соображений для анализа соглашений по контролю над вооружениями не должно быть неожиданным"³.

Суть процесса контроля над вооружениями, разоружения заключается в установлении взаимосогласованных и четко определенных для государств количественных и качественных параметров их вооруженных сил. В основном это политический процесс, в котором стороны руководствуются военно-стратегическими и военно-техническими соображениями. На преимущественно политический характер контроля над вооружениями указывает А.Г. Арбатов. По его мнению, главное в этом процессе (применительно к Договору по ПРО) – это общность, совпадение интересов⁴. Международному же праву отводится роль фиксатора существующего положения, его самостоятельное значение отрицается. Как пишет этот автор, если не начнется встречного сближения интересов государств, "то любые юридические формулы, маскирующие глубокий раскол, будут малоэффективны и даже могут оказаться вредны"⁵. Подобная ситуация очень близка к правовому нигилизму вообще.

По нашему мнению, в силу особенностей международного права как универсального инструмента регулирования поведения государств на международной арене оно не может не играть важной роли и в контроле над вооружениями и разоружении. "Правовой подход, конечно, не является единственным, ни даже, возможно, преобладающим, но он ни в коем случае не второстепенен... он вездесущ"⁶. Итак, в чем же заключается роль права в контроле над вооружениями?

Первое, что лежит на поверхности, о чем уже сказано выше: процесс разоружения не может развиваться вне договорно-правовой формы. Обязательства государств в этой области должны быть четко обозначены и, самое главное, должны строго выполняться. И то и другое обеспечивается через договорно-правовую форму соот-

ветствующих соглашений, поскольку именно праву присущи формальная определенность и юридическая обязательность, обеспечиваемая мерами юридической ответственности. С. Сюр справедливо отмечает, что "разоружение неизбежно достигается через договоры, другими словами, оно требует правовой формализации, и его успех в немалой степени зависит от качества заключенных соглашений"⁷.

Кроме того, следует подчеркнуть, что в сфере разоружения не используются обычно-правовые нормы, так как они в силу своей природы не способны регулировать отношения с большим числом технических элементов, включающих различные количественные параметры: численность вооруженных сил и вооружений, предельные потолки для отдельных видов боевой техники, определение видов вооружений через указание их тактико-технических данных и т.д.

Однако форма — это еще не все, хотя уже здесь возникают правовые проблемы, правда, скорее юридино-технического характера, связанные с качеством текста статей договора и формулировкой обязательств сторон. От формы во многом зависит и будущее договора по разоружению, так как неясности текста могут вызвать различного рода недоразумения между сторонами, как было, например, с Договором по ПРО. А общий характер и неконкретность обязательств по Конвенции о запрещении бактериологического оружия ставят под сомнение ее эффективность.

Серьезной проблемой является соотношение разоружения и общего международного права. Нормы общего международного права в области регулирования основных начал поведения государств и отношений в сфере безопасности и вооружений устанавливают лишь главные принципы, которые выполняют скорее роль ориентиров, целей, чем непосредственных регуляторов действий субъектов. Это в первую очередь относится к основным принципам международного права.

Эффективность таких норм зависит от факторов неюридического порядка, и прежде всего от уровня доверия между наиболее мощными в военном отношении государствами. Нормы общего международного права, о которых идет речь, не являются самоисполнимыми и для своей реализации нуждаются в конкретизации применительно к отдельным видам отношений. В этом заключается их слабость. Этим же во многом объясняется и то, что общее международное право практически не действует в областях, связанных с вооружением.

В этой связи необходимо остановиться на так называемом принципе разоружения. В советской международно-правовой литературе уже достаточно давно и вплоть до настоящего времени он упоминается как один из основных императивных принципов международ-

ного права⁸. При этом, по-видимому, чувствуя искусственность этого принципа, авторы вкладывали в его содержание не обязанность разоружаться, а обязанность вести переговоры в области разоружения.

Однако представляется, что желаемое выдавалось за действительное. До 1987 года не то что обязательства разоружаться, но и вообще не было заключено ни одного реального соглашения по разоружению. Что касается переговоров, то они действительно велись, правда, скорее для имитации процесса, чем для достижения реального результата, и были абсолютно бесплодны. И если уж говорить об обязанности вести переговоры, то неясно, при чем здесь разоружение, а также в действительности именно в период 70–80-х годов происходило наиболее интенсивное наращивание вооружений всех категорий противостоящих военных блоков. В 70-е годы особенно, а также в настоящее время продолжается наращивание военного потенциала стран "третьего мира" за счет как закупок вооружений за рубежом, так и собственного производства.

Таким образом, говорить о существовании принципа разоружения несколько преждевременно. Юридического обязательства государств разоружаться просто не существует, и, вероятно, оно вряд ли появится в обозримом будущем; общая обязанность вести переговоры в этой области, существование которой также весьма сомнительно⁹, ничего общего не имеет ни с разоружением, ни с контролем над вооружениями. Нередко переговоры служили ширмой, за которой велось наращивание вооружений.

Кроме того, так называемый принцип разоружения ни в обычной, ни в договорной форме не получил какой-либо объективизации. Упоминание о переговорах по разоружению в некоторых соглашениях – слишком слабый аргумент в пользу наличия подобного принципа в современном международном праве. Конструкция принципа разоружения носила чисто идеологический характер, не связанный с жизнью. Ее создание советскими юристами-международниками совершенно искусственно, и следует от нее отказаться. У. Батлер справедливо отмечает, что "международное право контроля над вооружениями и разоружения, постольку, поскольку оно существует, чрезвычайно неопределенно. Существующие соглашения не могут осмысленно обсуждаться юристами-международниками из-за недостатка данных, и банальности, касающиеся "юридической обязанности разоружаться", не служат никаким правовым целям"¹⁰. Отказ от нежизнеспособных концепций позволит реально взглянуть на разоружение и контроль над вооружениями и роль международного права и юристов в этом процессе.

Несмотря на техническую сложность договоров по разоружению и трудности достижения соглашений в области снижения военных

потенциалов государств (по вполне понятным причинам, связанным с обеспечением безопасности), с точки зрения структуры они достаточно просты. Договор по разоружению как основные блоки включает: 1) территориальную и предметную сферу регулирования, то есть территории, на которые он распространяется, и конкретные виды вооружений, которые подлежат сокращению, включая их определения; 2) количественные параметры и сроки сокращения вооружений; 3) механизм контроля за сокращением. Основные правовые проблемы сосредоточены в третьем блоке, на чем мы остановимся более подробно ниже.

Обязательство государств за пределами вопросов третьего блока заключается в обеспечении сокращения предусмотренных договором вооружений в указанном районе до взаимоголасованного уровня. В сфере контроля обязательства гораздо более разнообразны и требуют тщательной юридической проработки. Если основные сложности при заключении договоров по разоружению имеют политический и военно-технический характер, то контроль, в отличие от недавнего прошлого, когда он представлял проблему политическую в силу отказа СССР рассматривать его как необходимую часть переговоров и соглашений по разоружению, в настоящее время является большей частью проблемой юридической.

Большую сложность в договорах по разоружению представляет толкование, как это проявилось в ситуации с Договором по ПРО. При помощи толкования, которое производится сторонами в одностороннем порядке, государства могут попытаться выйти за пределы договора или обойти договорный режим. Подобной опасности в наибольшей степени подвержены договоры по контролю над вооружениями, заключенные на неопределенный срок. Как свидетельствует практика, соглашения по вооружению, в частности касающиеся сокращения конкретных видов вооружений, в достаточной степени детализированы (например, договоры по РСМД, обычным вооружениям в Европе) и оставляют мало места для возможности одностороннего толкования. Кроме того, они заключаются на четко определенный срок, не очень значительный, и разногласий по поводу их положений практически не возникает.

Правда, и здесь могут быть исключения, что, например, продемонстрировала Конвенция о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении 1972 года. Слишком общие формулировки этой конвенции позволяют достаточно свободно их интерпретировать. "Ограничения, устанавливаемые в ней на разработку оружия, породили бы весьма серьезные семантические и юридические проблемы, если бы были когда-либо выявлены существенные случаи нарушения таких ограничений"¹¹.

Стабильность и защищенность от произвольного толкования договоров подобного рода поддерживаются достаточно эффективными для таких соглашений мерами ответственности, основанными на принципе взаимности. Как пишет У. Батлер, в отсутствие в договорах по контролю над вооружениями положений, касающихся их нарушений, применимы нормы права договоров¹². Однако нельзя не принимать во внимание мнения о неэффективности механизма разрешения споров по договорам о контроле над вооружениями, вызванных сомнениями в их соблюдении¹³, и о том, что "соглашения по контролю над вооружениями, по существу, невозможно привести в действие при помощи традиционных правовых средств"¹⁴.

Вообще, ответственность и меры принуждения представляют один из слабых элементов в системе международного права. Меры ответственности обычно недостаточно эффективно действуют при обеспечении международно-правовых обязательств, а это подрывает одно из существенных, отличающих право от других социальных регуляторов, его свойств – обеспеченность государственным принуждением. Действенность международного права, особенно в сфере основных принципов, определяется прежде всего не юридическими его качествами, а политическими характеристиками той международной системы, в которой оно функционирует. Это, в частности, подтверждает история последних 20 лет: эффективность международного права различалась в периоды "разрядки", "новой холодной войны", "нового мышления".

Еще сложнее обстоит дело с договорами по контролю над вооружениями. Прогресс военной техники ставит и юридические проблемы: насколько тот или иной вид вооружений, созданных вновь, подпадает под ограничение норм международного права. Интересы государств в этом случае начинают резко расходиться. Государство, создавшее или создающее новое оружие, считает, что оно не нарушает договора, и соответствующим образом доказывает это при его толковании. Позиция же контрагента представляет собой, как правило, зеркальное отражение.

Избежать такой ситуации, расхождений в толковании довольно сложно, поскольку при создании соглашения, ограничивающего определенные вооружения, практически невозможно учесть прогресс военной техники. Сократить эти сложности можно, используя определенные юридические средства, касающиеся создания механизма толкования. Например, предусмотрев в договоре строго обязательное согласованное толкование спорных положений и определив принципы такого толкования, распространить его на вопросы, относящиеся к вновь создаваемым видам вооружений. Тем самым с помощью юридических средств можно разрешить проблему соотно-

шения стабильности правовых норм (можно даже сказать, их консервативности) и динамизма окружающего мира, в данном случае – развития вооружений. Вообще в доктрине верно указывается, что адаптация договоров по контролю над вооружениями к изменениям в области техники представляет сложную проблему, не разрешенную до настоящего времени и требующую внимания юристов-международников¹⁵.

Множество правовых вопросов возникает в связи с контролем за выполнением договоров по разоружению и контролю над вооружениями. Пожалуй, наибольшее число правовых проблем в области разоружения сконцентрировано именно в этой части процесса разоружения.

Как отмечает М. Шихан, "процесс контроля включает две различные фазы. Первой из них является мониторинг, сбор информации, касающейся поведения партнера по договору. Вторая фаза – оценка, на стадии которой информация анализируется и интерпретируется, чтобы установить, насколько точно соблюдается договор"¹⁶. У С. Сюра стадий контроля три: установление фактов, их правовая оценка, последствия в случае установления нарушения¹⁷. По мнению этого автора, правовой аспект присутствует в каждой из этих стадий.

Контроль по двусторонним соглашениям по разоружению включает использование национальных технических средств (НТС) и инспекции на местах. Как правило, применение НТС международным правом не регулируется. (Немногими исключениями являются Договор ОСВ-1, Договор по РСМД и некоторые другие.) На наш взгляд, это серьезный пробел в сфере международно-правового регулирования разоружения. Современное состояние международных отношений позволяет добиться и здесь прогресса. Нормы международного права должны определять как виды НТС, так и порядок их использования. При этом должны быть установлены пределы допустимости применения НТС, соответствующие процедуры и, кроме того, меры непрепятствования получения информации при помощи НТС.

Особое значение международно-правовая регламентация НТС может получить в условиях глубокого сокращения СНВ, поскольку стратегическая стабильность во многом будет зависеть от достоверной информированности сторон о военном потенциале контрагентов. Международно-правовое урегулирование получения такой информации при помощи НТС обеспечит необходимый уровень доверия во взаимоотношениях участников соглашения.

Естественно, что строгой международно-правовой регламентации подлежит контроль с использованием инспекций на местах. Разновидности таких инспекций могут быть многообразны: плановые

инспекции, инспекции по запросу и т.д. Для каждого вида инспекций должен существовать тщательно разработанный правовой механизм. Он должен включать регулирование, по крайней мере, следующих вопросов: основания проведения инспекций на территории проверяемой страны, правовой статус инспекторов и инспекций на территории проверяемой страны, перечень объектов и предметов, подлежащих проверке, порядок действий инспекции, взаимоотношения с властями принимающей страны. Только четкая правовая регламентация и решение связанных с этим правовых проблем всех сторон деятельности инспекций могут обеспечить их эффективное функционирование. Помимо прочего, особо необходимым представляется определение правового статуса членов инспекции на территории проверяемой страны. Очевидно, что для успешного выполнения возложенной на них миссии инспекторы должны обладать соответствующими возможностями, включающими предоставление привилегий и иммунитетов в объемах, определяемых соглашением сторон.

Развитие процесса разоружения, особенно на многосторонней основе, по-видимому, должно привести к созданию международного контрольного органа либо в рамках одной из уже существующих международных организаций, либо на самостоятельной основе. Образование подобного контрольного механизма поставит целый ряд правовых проблем, связанных с определением его статуса, функций, полномочий, порядка принятия решений и др.

Контроль за выполнением договоров в области вооружений вообще достаточно сложен, так как касается одной из самых чувствительных сфер, связанных с безопасностью государств. На это, в частности, указывает то, что "особенностью договоров об ограничении вооружений является и то, что в данной сфере государства избегают применения обязательной юрисдикции"¹⁸. Особые же проблемы ставит контроль за выполнением соглашений по контролю над вооружениями, поскольку проще проверить полное уничтожение какого-либо класса вооружений либо их снижение до установленного уровня, чем, допустим, неувеличение количества вооружений, воздержание от создания новых видов вооружений.

Поэтому средства проверки договоров по контролю над вооружениями – как НТС, так и инспекции на местах – должны быть более "проникающими", глубокими и всеобъемлющими, активнее вмешиваться в сферу суверенной власти проверяемого государства. Это потребует разрешения соответствующих правовых проблем, затрагивающих суверенные права государств.

Результаты контролируемых действий требуют юридической оценки с точки зрения их соответствия режиму договора по разоружению. "Правовое измерение" процесса контроля, по мнению

С. Сюра, заключается в "оценке поведения, противопоставлении результатов взятым обязательствам". И здесь нет реального действенного механизма для обязательного разрешения разногласий, существующие соглашения его не предусматривают¹⁹. Это же отмечает и Дж. Макнейл: "Процедуры для мирного разрешения споров пока еще не применяются в соглашениях по контролю над вооружениями широко", а чуть ниже еще более жестко: отсутствуют "процедуры для разрешения споров, проблем соблюдения и достижения основных целей контроля над вооружениями"²⁰.

В качестве средства по разрешению споров в области контроля над вооружениями и разоружения выдвигается использование международной судебной процедуры²¹. Однако более вероятно, на наш взгляд, учитывая специфику соглашений по контролю над вооружениями и разоружению с большим количеством технических деталей и их особую чувствительность для государств, возможность создания сторонами соглашения специальных органов, действующих на паритетных началах, но обладающих значительными полномочиями.

Необходимость специфических согласительных процедур для разрешения споров подчеркивается и применительно к разрабатываемой многосторонней конвенции о запрещении химического оружия²².

Юридическая оценка результатов проверки может даваться либо каждой из сторон соглашения в отдельности, либо совместно и согласованно. Односторонняя оценка должна носить предварительный характер и предшествовать согласованной, иначе возможна эрозия договорного режима, так как точка зрения контрагентов на одни и те же факты может расходиться. Более того, односторонняя оценка не будет иметь и правовых последствий для другой стороны.

Иной режим должен быть у совместной юридической оценки. Поскольку она принимается всеми участниками договора, то может носить в соответствии с решением участников обязательный характер и иметь необходимые правовые последствия. На ее основании должны быть устранены допущенные нарушения. Весь этот процесс следует урегулировать нормами международного права, которые могут обеспечить его достаточную эффективность.

Одним из направлений исследования контроля над вооружениями и разоружения с точки зрения права может являться исследование правовых моделей процесса. В частности, подобному подходу посвящена статья в "Harvard Law Review", опубликованная в 1987 году. В данной публикации предлагаются три основные модели процесса контроля над вооружениями: 1) уголовно-правовая модель; 2) договорная модель; 3) договорная модель, включающая привлече-

ние третьей стороны. Примером первой модели был "план Баруха". Ее основной чертой является наличие международного механизма, практически наднационального, способного наказать нарушителя соответствующего соглашения и тем самым обеспечивающего эффективность правового режима. Использование договорной модели означает, что государства сами контролируют соблюдение договоров по контролю над вооружениями и разоружению. Эта модель применяется в настоящее время. По мнению автора статьи, первая модель нереалистична, вторая — не обеспечивает эффективного контроля над вооружениями. Поэтому как модель будущего предлагается третья — контроль за соблюдением со стороны международного органа, не обладающего, однако, наднациональными полномочиями. Примером являются Договор о нераспространении ядерного оружия и контроль МАГАТЭ. Фактически это синтез первой и второй модели, устраняющий их недостатки — игнорирование суверенитета в первой и недостаточную жесткость во второй²³.

Исследованию процесса контроля над вооружениями и разоружения с этой точки зрения пока уделялось совсем мало внимания, тогда как подобный подход представляется интересным и многообещающим. В последнее время в указанном направлении развивается изучение проблемы контроля в договорах по разоружению, в первую очередь контрольных механизмов.

Еще одной важной правовой проблемой процесса контроля над вооружениями и разоружения является национальная имплементация соответствующих соглашений. Усложняющиеся договоры по контролю над вооружениями и разоружению со сложными контрольными механизмами требуют принятия национальных мер по их осуществлению и точному соблюдению. В частности, это касается, например, обеспечения соблюдения положений конвенции частными производителями вооружений и доступа на такие предприятия международных инспекций²⁴. Комплекс вопросов, возникающих здесь, относится как к национальному, так и к международному праву.

Кроме того, для обеспечения режимов нераспространения различных видов оружия необходим строгий национальный экспортный контроль, а проникающий контроль ставит проблемы защиты коммерческих и технологических секретов производства²⁵. А авторы исследования, посвященного будущей конвенции по запрещению химического оружия, делают вывод, что ее эффективное функционирование невозможно без национальных законодательных мер, принятых для ее осуществления²⁶. Указанные обстоятельства должны повлечь исследование проблем соотношения международного и национального права в области контроля над вооружениями и разоружения.

Таким образом, несмотря на внешнюю отстраненность от права, процесс контроля над вооружениями и разоружения имеет важные юридические аспекты, приобретающие иногда решающее значение. В области разоружения подавляющее большинство специфически правовых проблем сосредоточено в сфере исполнения соглашений по разоружению, а именно в сфере их толкования и контроля за исполнением. Кстати, именно от этой стадии в наибольшей степени зависит эффективность международно-правовых норм. Адекватное решение этих проблем позволит существенно продвинуть вперед весь процесс. В связи с изложенным следует, как представляется, активизировать усилия юристов-международников по исследованию правовых проблем контроля над вооружениями и разоружения.

¹ Sur S. Verification has Yet to be Devised // UNIDIR Newsletter. — 1990. — Vol.3. — No.1. — P.4.

² Butler W.E. Ensuring Compliance with Arms Control Agreements: Legal Responses. Paper prepared for delivery at the IV Anglo-Soviet Symposium on Public International Law held in Moscow on 14–16 May 1990.

³ Smith E. Commentary on Arms Control Agreements and Dynamic Obligations // Law and Force in the New International Order. — Boulder, 1991. — P. 262.

⁴ См. Арбатова А.Г. Противоракетно-космические вооружения и Договор по ПРО // Разоружение и безопасность. 1988–1989. — М., 1989. — С. 94.

⁵ Там же. — С. 108.

⁶ Sur S. A Legal Approach to Verification in Disarmament or Arms Limitation. — N.Y., 1988. — P.8.

⁷ Sur S. A Legal Approach to Verification in Disarmament or Arms Limitation. — P.8.

⁸ См. Малинин С.А. Правовые основы разоружения. — Л., 1966. — С. 27; Тункин Г.И. Теория международного права. — М., 1970. — С. 86–90; Богданов О.В. Международно-правовые проблемы разоружения. — М., 1979. — С.165–167; Гаевский Г.А. Некоторые вопросы обуздания гонки вооружений на современном этапе // Сов. ежегодник международного права, 1981. — М., 1982. — С. 114 — 115; Всеобъемлющая международная безопасность. Международно-правовые принципы и нормы. Справочник. — М., 1990. — С. 86–90; Денисов В.Н. Правовые аспекты разоружения в ракетно-ядерную эру. — Киев, 1990. — С. 68.

⁹ Хотя, например, на Второй Конференции участников Договора о нераспространении ядерного оружия по рассмотрению действия договора, состоявшейся в августе — сентябре 1980 года в Женеве, большинство участников считали, "что государства, обладающие ядерным оружием, не выполнили должным образом свои обязательства вести переговоры об эффективных мерах по прекращению гонки ядерных вооружений и по достижению ядерного разоружения" (Вопросы разоружения. № 67. На пути к Четвертой Конференции по рассмотрению действия Договора о нераспространении ядерного оружия в 1990 году. — Нью-Йорк, 1989. — С. 14). Таким образом, можно скорее говорить о подобной конвенционной норме.

¹⁰ Butler W.E. Op. cit.

¹¹ Разоружение. Периодический обзор, подготовленный Организацией Объединенных Наций. — 1988. — Т. XI. — № 3. — Нью-Йорк, 1989. — С. 102.

-
- ¹² **Butler W.E.** Op. cit.
- ¹³ **Trimble Ph.** Beyond Verification: The Next Step in Arms Control // *Harvard Law Review*. — 1989. — Vol. 102. — No. 4. — P. 889.
- ¹⁴ **Smith E.** Op. cit. — P. 264.
- ¹⁵ **Rhineland J.** Limitation and Safeguards in Arms Control Agreements // *Law and Force in the New International Order*. — P. 253–254.
- ¹⁶ **Sheehan M.** Arms Control: Theory and Practice. — Oxford, 1988. — P. 123.
- ¹⁷ **Sur S.** A Legal Approach to Verification in Disarmament or Arms Limitation. — P. 8.
- ¹⁸ **Клименко Б.М.** Всеобъемлющая международная безопасность и международное право // *Всеобъемлющая международная безопасность*. — С. 10.
- ¹⁹ **Sur S.** Verification has Yet to be Devised. — P. 4.
- ²⁰ **McNeill J.** Commentary on Dispute Resolution Mechanisms in Arms Control Agreements // *Law and Force in the New International Order*. — P. 258–259.
- ²¹ *Ibid.* — P. 261.
- ²² **Sims N.** National Implementation of International Obligations: Experience under the Multilateral Treaty Regime of the 1972 Convention on Biological and Toxin Weapons // *National Implementation of the Future Chemical Weapons Convention*. — Oxford, 1990. — P. 62.
- ²³ **Legal Models of Arms Control: Past, Present and Future** // *Harvard Law Review*. — 1987. — Vol. 100. — No. 6. — P. 1327–1345.
- ²⁴ См., например, **Федоров Ю.Е.** Проблема запрещения и уничтожения химического оружия // *Разоружение и безопасность*. 1988–1989. — С. 209; **Тузмухамедов Б.Р.** Вопросы международного контроля // *Всеобъемлющая международная безопасность*. — С. 112.
- ²⁵ **Rhineland J.** Op. cit. — P. 253.
- ²⁶ **National Implementation of the Future Chemical Weapons Convention**. — P. 4, 13.